

Н. Э. Купчинаус

**ОПЫТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НА -СКИЙ, МОТИВИРОВАННЫХ
НАИМЕНОВАНИЯМИ ЛИЦ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОЧИНЕНИЙ М. В. ЛОМОНОСОВА)**

*Работа представлена лабораторией автоматизации филологических работ
Удмуртского государственного университета.
Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор В. А. Баранов*

В статье анализируется смысловая структура прилагательных с суффиксом -ск-, функционирующих в письменной речи М. В. Ломоносова.

The article studies semantic structures of the adjectives formed by the suffix "-sk" ("-ск") functioning in M. Lomonosov's language.

Центральное место в истории русских отсубстантивных прилагательных занимает процесс развития качественности, обусловленный характерным для них «стремлением выразить признак как таковой, безотносительно к предмету»¹.

В этом плане языковой материал 40–60 гг. XVIII в. представляет большой интерес. Именно в этот период тенденция к окачествлению особенно активизируется², намечается функционально-семантическое размежевание конструкций с относительным прилагательным, с одной стороны, и конструкций с производящим существительным в косвенном падеже с другой. Адъективно-субстантивные словосочетания, которые в древнерусском языке выражали разнообразные виды отношений (в частности, индивидуальную принадлежность, отношение к субъекту/объекту активного действия), «постепенно уступали свои позиции конструкциям с определяющим существительным, и уже в конце XVIII - начале XIX в. мы застаем в литературном языке лишь реликты их прежнего свободного употребления»³.

Актуальность предмета статьи обусловлена отсутствием работ, которые были бы посвящены семантическому функционированию прилагательных с суффиксом -ск-

в языке М. В. Ломоносова. Важно отметить, что разнообразие жанров и стилей, представленное в литературном наследии ученого (это поэтические произведения, ораторская и научная проза, историография, полемическая публицистика, служебные документы, письма), а также тонкая лингвистическая интуиция, позволявшая Ломоносову чувствовать и предчувствовать тенденции развития родного языка, дают возможность изучить наиболее характерные для середины XVIII в. образцы словоупотреблений, выделить «явления, уходящие в прошлое, и явления, нарождающиеся на фоне стабилизировавшихся, нормальных для данного состояния языка»⁴ и тем самым глубже осмыслить исторический механизм окачествления русских отсубстантивных прилагательных.

По техническим причинам мы вынуждены ограничить объем материала прилагательными, мотивированными наименованиями лиц. Отметим, что в кругу данных адъективов историческая тенденция к развитию категории качества проявляется наиболее отчетливо, на что обращает внимание Э. А. Балалыкина⁵. Указанное явление объясняется семантической многоплановостью антропонимов. Так, наименования лиц по профессии, роду занятий (купец,

профессор, крестьянин) ассоциируются с представлениями не только о характере той или иной деятельности, но и о типической внешности, манерах, образе жизни определенных людей. Богатым коннотативным потенциалом обладают наименования по социальному статусу (царь, раб), родству, личным связям (мать, друг), но особенно модально-оценочные имена (герой, злодей).

В текстах, включенных в 11-томное полное собрание сочинений М. В. Ломоносова, нами выявлено 280 словосочетаний с прилагательными от личных имен.

Выделим прежде всего такие словосочетания, которые либо воспринимаются в наши дни как стилистически маркированные (свойственные непринужденной разговорной речи, полемической публицистике), либо могут быть поняты в не соответствующем замыслу автора значении. Имеется в виду выражение прилагательными на *-ский* отношения к одному (43 единицы) или нескольким конкретным лицам (36), т. е. случаи индивидуальной или групповой референции. Такие двусловные синтагмы функционируют как грамматические дублиеты словосочетаний с мотивирующим субстантивом в косвенном падеже (чаще всего - беспредложном родительном). Иными словами, конструкции данного типа передают прямую и конкретную связь между двумя «автономными» субстанциями, входящие в их состав адъективы не получают каких-то качественно характеризующих или коннотативных приращений. Предметно-логическое содержание мотивирующей основы воспринимается здесь в целостности как совокупность всех узуальных сем. В качестве референтов мотивирующих основ выступают лица, конкретизированные контекстом или - шире - дискурсом эпохи: это коллеги М. В. Ломоносова по научно-педагогической деятельности (академики-«профессоры», президент Академии граф К. Г. Разумовский, члены Канцелярии), известные государственные деятели, исторические личности, герои античного эпоса. Отражаемая в высказываниях ситуация также отличается однозначностью и конкретностью.

Особенно четко ощущается недифференцированный характер семантики в несвойственных современному языку словосочетаниях, передающих отношение к субъекту/объекту активного действия. В нижеследующих высказываниях примечательным является сохранение определяемым словом глагольного управления: «**Любление княжеское сего места и повеление** привело многочисленных жителей»⁶ (речь идет об основании города Владимира князем Владимиром Мономахом); «**При отъезде президентском на Украину...** пожалованы ассессор Теплов и профессор Ломоносов в коллежские советники»⁷.

Семантическая раздельность определения и определяемого ощущается и в тех случаях, когда последнее обозначает абстрактное понятие: 1) «Канцелярия тогда **президентскую власть** имеет, когда **его** совсем нет»⁸; 2) «Шумахер, Теплов и Тауберт твердили беспрестанно, что **честь президентскую** наблюдать должно и против **его** желанья и воли ничего не делать»⁹; характерно, что синонимичность с генитивной формой исходного существительного подчеркивается в двух последних примерах анафорическим употреблением личного местоимения, антецедентом которых является денотат «предметной» части прилагательного. См. также: «Вскоре почувствовали, что он [Шумахер] столь ж над ними власти требует, сколько президент, и почти все, что вздумает, на то его приводит часто противу добрых *намерений профессорских*, которые о том негодовали...»¹⁰, где обращает на себя внимание распространение слова *профессорский* придаточной частью по типу присубстантивной связи.

Аналогичные семантические связи между компонентами словосочетаний, т. е. объективную констатацию связи двух субстанций, мы находим и в тех случаях, когда дериваты *этнонимов* указывают не на этнос в целом, а на группу его определенных представителей - участников реальных событий, происходивших в конкретное время и в конкретном месте. В подобных словоупотреблениях прилагательные не выра-

жают какой-либо характерной черты или внутреннего качества, свойственного данному народу в целом, значение данных единиц исчерпывается указанием на отношение к группе людей: «Святослав положил твердо стоять против **греческих приступов**. Великая нужда, от долговременного **греческого облежания** в съестных припасах происшедшая, заставила россиян употреблять тайные поиски в свою пользу»¹²; «В следующий день пришли посланные от Ольги на берег к **древлянскому судну**, прося их по княгининому повелению в город на изготовленную для них почесть... Пятьдесят правителей земли Древлянския без укушения приехали в Киев. Спросили ль о своих прежних посланцах, ничего о том не упоминается. Здесь что-нибудь Нестором упущено; без того невероятна кажется **древлянская оплошность**»¹².

Значение индивидуальной референции и четкая соотношенность с субстантивной словоформой в косвенном падеже наблюдается и в ряде словоупотреблений прилагательных, производных от существительных с «денотативной оценочностью» (термин И. С. Стернина). Если в современном литературном языке такие лексемы, как *геройский*, *героический*, *злодейский*, *варварский*, *зверский*, *мученический*, *страдальческий* и т. п., употребляются преимущественно как качественные прилагательные, то в языке М. В. Ломоносова равнозвучные единицы могут функционировать как *относительные* прилагательные с единичной, групповой и родовой референцией. Рассмотрим в качестве примера использование Ломоносовым прилагательного *геройский*. Исходное существительное *герой*, восходящее к древнегреческому *ἦρως*, (*лат.* *heros*), широко употреблялось в книжном языке XVIII в. в этимологическом значении, а именно: «лицо, рожденное от бога и смертного или причисленное к сонму богов за свои подвиги». Кроме того, употреблялся метафорический дериват, представленный в «Словаре русского языка XVIII века» в значении «человек особенной храбрости, мужества, достоинств». Производное

геройский функционирует у Ломоносова как предметно-относительное прилагательное, мотивированное исходным концептом слова *герой*, например: «В спокойном торжестве ты видишь здесь невесту; **Геройску видишь дочь, Геройскую сестру...**»¹³. В данной речевой ситуации референтом слов *дочь* и *сестра* является Илона, дочь Приама и сестра Гектора; здесь адъективные конструкции равнозначны конструкциям с зависимым существительным - *сестра героя, дочь героя*.

Аналогичный смысл присутствует в тех высказываниях, где прилагательное указывает на Петра I, которого М. В. Ломоносов уподобляет, в соответствии с канонами классицизма, античным «героям», например: «Надеждой, ревностью блистал **Геройской вид**»¹⁴. Приведем также примеры с другими лексемами: «Она Секста Росция... убегающего от **оружия и угроз разбойнических**, приняла в дом свой»¹⁵ - прилагательное указывает на конкретных лиц - убийц отца Секста Росция; «**И варварские руки** те, Что их держали в тесноте, В полон уже несут оковы»¹⁶, здесь под «варварами» подразумеваются турки (т. е. представители нехристианской веры), оборонявшие крепость Хотин; «**мятежнический крик** (крик стрельцов. - *Н. К.*), Наполнив слезный град, до облаков достиг»¹⁷. Думается, что сильные качественно-оценочные семы мотивирующих субстантивов, нуждающиеся в особой контекстуальной поддержке, проникают, так или иначе, в целостную семантику синтагмы. Однако мы считаем, что данные компоненты остаются в подобных словоупотреблениях в рамках «предметной» части смысловой структуры прилагательного, не абстрагируясь ощутимым образом от денотата субстантивной основы.

В кругу дериватов от личных *имен собственных* Ломоносов использует во всех жанрах притяжательные прилагательные на -ов, -ев, -ин, которые лишь во второй половине XIX в. станут приметой стилистически сниженной речи («вдова Рихманова», «во время Крашенинникова ректор-

ства» и т. п.). С другой стороны, нами выявлено 15 случаев использования Ломоносовым отфамильных образований на *-ский*. К последним относятся, в частности, прилагательные от имен известных личностей, обладавшие уже в рассматриваемую эпоху системным, т. е. закрепленным общеязыковой практикой, качественно-классифицирующим значением; для сравнения: делилианский термометр¹⁸, но Делилиево письмо¹⁹.

Особый интерес представляют речевые смыслы адъективов, образованных от имен тех лиц, которые вызвали у ученого крайнюю неприязнь, - И. Д. Шумахера и Г. Ф. Миллера. Здесь семантические отношения сопутствуют окказиональные оценочные семы, которые возникают под воздействием и лексического окружения, и экстралингвистических сведений читателя. Ограничимся одним примером: «Остались все **шумахерские происки, властолюбие, препятствия** россиянам в науках и бесполезная трата казны е. и. в. по прихотям в помянутом советнике Тауберте»²⁰. Характерно, что в данном высказывании отражена ситуация, сложившаяся в Академии *после кончины* Шумахера, и типические свойства последнего приписываются другому субъекту, сменившему покойного на посту советника Канцелярии АН.

Начиная с древнерусской эпохи процесс окантования прилагательных на *-ский* наиболее интенсивно проявляется на базе значения *отношения к роду лиц*.

Из 150 обнаруженных нами словоформ с родовой референцией 30 выражают недифференцированное отношение к роду лиц, не осложненное смысловыми приращениями; например: «Каждая наука в Академии имеет равное достоинство, и в каждой может быть **равенство и неравенство профессорского знания...** И так, вообще рассуждая, должно положить **всем профессорам равное жалованье**»²¹. В восприятии современного носителя языка прилагательное в словосочетании **профессорское знание** (ср. также современное словоупотребление «профессорские знания»), изъятое из цитированного выше контекста, принимает ка-

чественно-оценочное значение, в том числе и переносное. Более того, оно способно передавать такое значение и с точки зрения общего контекста сочинений Ломоносова, где неизменно проявляется авторский пиекет по отношению к званию профессора. Однако в приведенном примере коннотативный потенциал прилагательного *профессорский* блокирован сугубо деловым характером содержания документа.

Значение прилагательного всецело определяется семантикой производящей основы и в словосочетаниях, где опорное слово выражает процессуальность: «...согласная, которую для **остановления конского** производят...»²².

Все рассмотренные выше словосочетания могут быть заменены генитивными конструкциями, при такой трансформации сохраняется как смысл высказывания, так и его стилистическая характеристика. Примечательны в этой связи случаи параллельного использования самим Ломоносовым обеих конструкций в одном контексте (выбор того или иного языкового средства зависит от наличия или отсутствия конкретизатора или обусловлен соображениями эстетики речи): «О **студентских награждениях и наказаниях...** О **содержании студентов...** О **выпусках студентов...** О **студентских экзерцициях...**»²³ - заголовки из проекта университетского регламента, в другой редакции проекта встречаем: «О **публичных экзерцициях студентов**»²⁴; «...анатомические препараты **частей человеческих и других животных**»²⁵; «В **верхнем классе экзаменов в присутствии кураторском, директорском, всех профессоров и ректора**»²⁶ и т. п.

Другим доводом в пользу наших выводов можно считать параллельное употребление Ломоносовым прилагательных с относительным и притяжательным суффиксами: «...Имеете **книги Моисеевы и пророческие**»²⁷.

В подавляющем большинстве случаев прилагательные, мотивированные наименованиями рода лиц, выражают так называемое значение *типической свойственнос-*

ми, т. е. совокупность неких *постоянных внутренних* признаков (как относительных, так и качественных), которые проявляются в характеризующей субстанции только через связь последней с предметом, обозначаемым мотивирующей основой, и которые могут быть конкретизированы в большей или меньшей степени. Взаимопроникновение сем обеих субстантивных основ обуславливает *семантическую слитность* компонентов словосочетания, что, как правило, затрудняет подстановку конструкции с несогласованным определением.

Значение, толкуемое лексикографической формулой «свойственный тому, кто/что обозначен(о) мотивирующей основой», можно считать некой переходной зоной на пути к рождению «полноценного» качественного значения. Весьма часто такое значение, компонуемое сигнификативными семами мотиватора, представляется диффузным и требует многословной экспликации; в других случаях компонент «свойственности» отражает вполне конкретный признак. Акцентуация сем, отражающих некие качества денотата (как эмпирические, так и рациональные) мотивирующего слова, приближает становление отвлеченно-качественного значения и создает условия для метафоризации относительного прилагательного, например: *детская кожа, детская улыбка, детский страх*). Степень яркости компонента «типическая свойственность», сопутствующего категориальной семе отношения, варьируется в зависимости от контекстных условий.

Обратимся к речевому материалу М. В. Ломоносова.

Относительное значение превалирует в терминологических словосочетаниях типа *капитанский ранг, монашеский чин, воеводские канцелярии* и т. д. Но связь двух субстанций здесь представлена уже не просто как их смежность во времени и пространстве, а как сущностная характеристика референта определяемого существительного. Предметно-понятийное содержание производящей основы включено в значение адъектива в предельно обобщенном виде, а-

социативный потенциал оказывается «не востребуемым». Кроме того, здесь ослаблена, с нашей точки зрения, сема одушевленности.

Обобщенно-отвлеченный характер значения мотивирующей основы прилагательных в подобных словоупотреблениях наглядно проявляется в следующем тексте, где представление о конкретном лице эксплицировано в местоимениях, а в смысловой структуре слов *студентский* и *адъюнкский* сема одушевленности редуцирована: «Прошлого 1742 году генваря с 1 дня определен я при Академии Наук адъюнктом с производением жалованья в год по 360 рублей, а до того времени производилось мне **жалованье**, будучи в Германии для наук, **студентское**... А ныне уведомился я, что не только **адъюнкские**, но и **студентские деньги**, взятые мною в зачет во Академии Наук, из жалованья вычитать намерены. <....> И дабы высочайшим указом повелено было... братые мною во Академии **студентские деньги** из окладного **моего адъюнкского** жалованья не вычитать»²⁸. Показательно, что в данном лексико-семантическом и синтаксическом контексте невозможна замена прилагательных субстантивными конструкциями типа «деньги (для)студента, -ов».

В сочетаниях с обобщенными наименованиями видов материальной и интеллектуальной деятельности человека (дело, дела, искусство, наука) смысловая структура прилагательного становится более сложной." *ораторское искусство, плотническое дело, корректорское дело, юридические дела* и пр. Абстрактность семантики определяемых слов способствует актуализации в «предметной» части прилагательных сигнификативных сем, отражающих характер деятельности тех или иных лиц, в то время как денотат мотивирующей основы (представление о типизированном лице-деятеле) принимает здесь статус фонового компонента. Следовательно, прилагательное в таких случаях указывает на отношение не столько к лицам, сколько к характеру их деятельности.

В вышеуказанных словоупотреблениях признак, обозначаемый адъективами, представляется нерасчлененным, синкретичным. В синтагмах другого типа признак конкретизирован, сужен за счет усиления отдельных сем в «предметной» части прилагательного. Это происходит, в частности, за счет актуализации в «предметной» части адъектива эмпирического компонента, отражающего структуру, внешний вид, вещественный состав субстанции; например, классифицирующие наименования одежды: *солдатский мундир*, *мужское одеяние*, *немецкое платье* и т. д., наименования анатомических органов и физиологических функций: *женские руки*, *голос человеческий*, *скотский рев*, *конское мясо*, *зверские кожи*, а также метонимические обозначения типа *охотничьей шум*²⁴ (т. е. звучание охотничьего рога), *воинский звук*^{7,0} (т. е. шум стреляющих орудий) и т. п. В словосочетаниях с наименованиями частей тела эмпирические семы редуцируются, если существительные употребляются в метонимическом, абстрактно-символическом значении, например: «Высокой **крови царской** дщерь»³¹; «... Россию взять в свое повелительство есть дело и **мужескому сердцу страшное**»³² (о восшествии на престол Елизаветы Петровны) и др.

В терминах, обозначающих видо-родовые понятия филологии, конкретизирован ряд рациональных (по А. Н. Шрамму) качественно-характеризующих признаков: «[Ломоносов] сочинил две **героические песни** о делах Петра Великого»³³; «стихотворные **дружеские письма** сего стиля больше должны держаться...»³⁴; «Демосфен и Цицерон упражнялись больше в **гражданском красноречии**, а особливо в судебном...»³⁵. А также интересный пример эллиптической номинации: «...Российский наш язык не токмо бодростью и **героическим звоном** греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным... версификацию иметь может»³⁶. В смысловой структуре данных адъективных словоформ произошла актуализация ряда ассоциативных сем «предметной» части, а также *нейтра-*

лизация семы одушевленности, обусловившая значительный отрыв семантики прилагательных от денотатов производящих существительных *друг*, *герой*, *гражданин*, хотя на первых этапах бытования терминов семантика источника мотивации, несомненно, сохранялась в полном объеме.

Прагматический фактор - переживания Ломоносова по поводу «академических непорядков», неприязнь к отдельным лицам и т. п. - может привносить в узус анализируемых единиц индивидуально-авторскую коннотацию. Появление окказиональных оценочных сем в смысловой структуре прилагательного свидетельствует о дальнейшем сдвиге в сторону развития значения отвлеченного качества, поскольку коннотация усиливает представление о типичности, своеобразии предметного отношения.

Так, например, в документах, где Ломоносов пишет об унижениях, которым подвергаются, по его мнению, ученые академики со стороны «не смыслящих в науках» членов Канцелярии, в словоформах прилагательного профессорский реализуется качественно-оценочный компонент производящей («заслуживающий уважения», «обладающий высокими знаниями»), а производное прилагательное принимает эмоциональную окраску - «симпатия, сочувствие» и т. п.; например: «Капитанские чины профессорам **малы**... Напротив того, канцелярским чинам положены пристойные ранги к унижению **профессорского достоинства**...»³⁷ - манифестируемая широким контекстом антитеза (Канцелярия - профессура), коннотации лексического окружения, а также контекстуальная неоднозначность существительного *достоинство*, обозначавшего в языке XVIII в. и «чин, ранг», и «высокие свойства, заслуги», способствуют актуализации качественно-оценочных сем производящей основы.

Примечательны случаи *совмещения* значений индивидуальной и родовой свойственности, когда некоторое свойство одновременно предстает как типический признак и рода лиц, и отдельного, конкретно его представителя. Последний может

быть эксплицирован в том же высказывании либо мотивирующим существительным, либо личным или притяжательным местоимением. Последние частично «освобождают» прилагательное от значения индивидуальной референции, высвечивая таким образом обобщенно-типизирующий характер выражаемого признака, усиливая его качественность: «Я стыд **девический в тебе** весьма хвалю...»³⁸, «...Чувствую **ее государскую милость** довольно..»³⁹; «[Петр] Умножал внимание и благоговение предстоящих **своим Монаршеским гласом..**»⁴⁰. «Уже склоняется женское сердце к непоколебимой твердости братними увещаниями»⁴¹ - в последнем случае речь идет и о сердце царевны Анны, и о женском сердце вообще; обратим внимание на наличие антитезы в контексте, которая усиливает сему рационального качества. Приведем также высказывание: «...**Злодейской вольностью** плененная Москва»⁴², где прилагательное отсылает к конкретным «злодеям» (царевне Софье и ее сторонникам) и в то же время имеет понятийное значение, т. е. обозначает типические свойства и качества данного рода лиц.

Перегруппировка сем во всех приведенных словоупотреблениях, формируя компонент «свойственный тому, кто...», осложняет в той или иной степени исходное указательно-отсылочное значение прилагательного, но не выводит анализируемые единицы за пределы лексико-грамматического разряда относительных прилагательных; сема «отношение» сохраняет свой категориальный статус.

Наконец, выявлены 23 словоформы, значение которых мы можем определить как *семантические дериваты с собственно качественным значением*, которые отражают признак, мыслимый в отвлечении от денотата мотивирующей основы. Они встречаются исключительно в текстах, написанных «высоким штилем». Производящую базу таких образований составляет ограниченное число субстантивов - это имена, изначально обладающие яркими визуальными или потенциальными каче-

ственно-оценочными семами, на основе которых данные лексемы уже в XVIII в. развивали переносное значение: *варварский, геройский, исполинский, отеческий, материнский, детский, зверский, мужеский*. Представленные ниже словоупотребления, введенные Ломоносовым в художественный текст в качестве тропов, с точки зрения современного носителя языка, кажутся неяркими, «банальными». В рамках двусловных синтагм здесь не наблюдается той «необычной», «неожиданной» сочетаемости семем, на основе которой возникает метафорическая образность: компоненты указанных словосочетаний характеризуются семантической согласованностью. В отвлеченно-метафорический план переносится не отдельное прилагательное, а все словосочетание в целом - «необычные» синтагматические связи выявляются в *широком контексте*, где представители одного рода субстанций уподобляются другому роду по какому-то общему качественному признаку. Так, Елизавете Петровне приписывается «**мужеское геройство**», российским женщинам - «**мужеская храбрость**»⁴³, бунтующим стрельцам - «**зверской взор**» и «**рыканья зверския**»⁴⁴, неумелым ораторам - «**детское многословие**»⁴⁵ и т. п. Например, «Достигнув **мужеским геройством**, Отвсюду облекла спокойством Свое наследство»⁴⁶. Во всех подобных случаях возможно элиминирование прилагательного или замена его лексическим синонимом - немотивированным собственно качественным адъективом.

Важно иметь в виду, что возможность употреблять исходные существительные в первичном значении (герой - персонаж античных мифов, варвар - представитель нехристианской веры, злодей - человек, совершивший конкретное преступление, и пр.), а производные прилагательные в функции синтаксических дериватов (см. приводимые ранее примеры *геройская сестра, зверские кожи* и пр.) должна была поддерживать в восприятии носителей языка XVIII в. характерную для «живых» метафор семантическую *двуплановость*.

Указанный выше фактор - тесная связь семантики производного прилагательного с предметным содержанием субстантивной основы - сдерживал в XVIII в. процесс окачествления анализируемых единиц. С другой стороны, во многих случаях наведение индивидуально-авторской коннотации создает контекстуальные условия для развития системного значения свойственности, качественности.

Итак, функционирование прилагательных на -ский, мотивированных одушевленными существительными, в речевой деятельности М. В. Ломоносова являет разные этапы семантического развития данных единиц в истории русского языка. Во-первых, нами зафиксированы явления, которые уже к концу XVIII в. станут редкими, затухающими; во-вторых, выявлены тенденции, сохранившие устойчивость в послеломоносовскую эпоху и продолжающие активно действовать в наши дни.

В целом, с позиции дискурса М. В. Ломоносова, во всех проанализированных прилагательных на -ский денотативные компоненты мотивирующей основы ощущаются более отчетливо, чем в соответствующих единицах современной речи, и по этой причине выражаемое в словосочетании предметное отношение отличается большей конкретностью.

Результаты анализа образований на -ский от одушевленных имен позволяют нам утверждать, что сема «типической свойственности», на основе которой в перспективе развивается собственно качественное значение, в семантической структуре единиц языка XVIII в. имеет статус *потенциального* компонента, между тем в современном языке у адъективов данного словообразовательного подтипа сема свойственности, по мнению многих лингвистов, является системной⁴⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Балалыкина Э. А. Формирование качественных имен с суффиксом -ск- и развитие субстантивно-адъективных отношений в пределах прилагательных на -ский. В кн.: Историческое словообразование русского языка. Казань: Изд. Казанского ун-та, 1984, С. 85-113; 86.

² Петрова З. М. Новообразования в кругу имен прилагательных / Мальцева И.И. и др. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л.: Наука, 1975, С.146-246; 227.

³ Земская Е. А. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке/Историко-филологические исследования. М.: Наука, 1967. С. 92-103; 102.

⁴ Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1967. С.43.

⁵ Балалыкина Э. А. Указ. соч. С. 85-113; 92.

⁶ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 11 т. М.: АН СССР, 1955-1959 гг.; Т. VI. С. 270.

⁷ Там же. Т. X. С. 288.

⁸ Там же. Т. X. С. 194.

⁹ Там же. Т. X. С. 313.

¹⁰ Там же. Т. X. С. 44.

¹¹ Там же. Т. VI. С. 243.

¹² Там же. Т. VI. С. 231.

¹³ Там же. Т. VIII. С. 423.

¹⁴ Там же. Т. VIII. С. 721.

¹⁵ Там же. Т. VII. С. 372.

¹⁶ Там же. Т. VIII. С. 27.

¹⁷ Там же. Т. VIII. С. 713.

¹⁸ Там же. Т. IX. С. 325.

¹⁹ Там же. Т. X. С. 181.

²⁰ Там же. Т. X. С. 246.

²¹ Там же. Т. X. С. 50.

²² Там же. Т. VII. С. 400.

²³ Там же. Т. IX. С. 539.

- ²⁴ Там же. Т. X. С. 22.
²⁵ Там же. Т. X. С. 148.
²⁶ Там же. Т. IX. С. 455.
²⁷ Там же. Т. V. С. 247.
²⁸ Там же. Т. X. С. 330.
²⁹ Там же. т. VIII. С. 61.
³⁰ Там же. т. VIII. С. 546.
³¹ Там же. т. VIII. С. 50.
³² Там же. т. VIII. С. 243.
³³ Там же. т. X. С. 400.
³⁴ Там же. т. VII. С. 589.
³⁵ Там же. т. VII. С. 205.
³⁶ Там же. т. VII. С. 13.
³⁷ Там же. т. X. С. 19.
³⁸ Там же. т. VIII. С. 303.
³⁹ Там же. т. X. С. 571.
⁴⁰ Там же. т. VIII. С. 606.
⁴¹ Там же. т. VI. С. 266.
⁴² Там же. т. VIII. С. 713.
⁴³ Там же. т. VI. С. 244.
⁴⁴ Там же. т. VIII. С. 713.
⁴⁵ Там же. Т. VII. С. 128.
⁴⁶ Там же. Т. VIII. С. 752.
⁴⁷ Балалыкина Э. А. Указ. соч. С. 85-113; 93.